

«Диалогическое согласие»:
М.М. Бахтин как элитарная языковая личность

© М. А. ЛАППО,
кандидат филологических наук

Выделенная М.М. Бахтиным категория диалогического согласия оказывается ключевой для него самого как участника беседы. И данный факт сам по себе, и сопряженность теоретических построений и реального коммуникативного поведения становятся важными показателями элитарной речевой культуры.

Ключевые слова: тип речевой культуры, элитарная языковая личность, коммуникативная стратегия, лексико-грамматический повтор, диалог согласия, Бахтин.

*«Смыслами я называю ответы на вопросы.
То, что ни на какой вопрос не отвечает,
лишено для нас смысла».*

М.М. Бахтин. Из записей 1970–1971 годов

Философ, филолог, русский ученый с мировой известностью, М.М. Бахтин коренным образом изменил представления о сущности культуры и коммуникации. Его идеи о культуре как диалоге, диалогической природе социогуманитарного знания дали мощный импульс к развитию целого ряда отечественных и зарубежных научных школ. Не случайно В.В. Кожин называет М.М. Бахтина «великим творцом русской культуры XX века» [1], а К.Г. Исупов – «всепланетным явлением», героем-«трикстером» современной ноосферы [2].

Однако исследования коммуникативного поведения самого Михаила Михайловича практически отсутствуют. Отчасти это можно объяснить скромным объемом опубликованных личных документов – писем, лекций, выступлений. Не так давно появились работы о Бахтине-лекторе. Н.В. Сивцова и О.Л. Арискина приходят к следующему выводу: «Лекции М.М. Бахтина можно причислить к **образцовым научным текстам** (выделено нами. – М. Л.) лишь потому, что знание в них упорядочено таким образом, что создается гибкая и упорядоченная информационно богатая структура, которая, постепенно разворачиваясь перед адресатом, влияет на его научное и мировоззренческое мышление» [3].

Предметом данной статьи являются особенности диалогического поведения М.М. Бахтина, отразившиеся в беседах с В.Д. Дувакиным. В 1973 году они были записаны на магнитофонную пленку. Их публикация состоялась в трех вариантах: в журнале «Человек» (1993. № 4–6; 1994. № 1–6.); в издании «Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным» (М., 1996); в) в книге «М.М. Бахтин: беседы с В.Д. Дувакиным» (М., 2002). В этих беседах Бахтин отвечает на вопросы о жизни, годах учебы и профессионального становления, работе, встречах с известными людьми. Все это имеет особую ценность вследствие того, что он совершенно сознательно не оставил своих воспоминаний или мемуаров.

Материал ценен и тем, что, как известно, в теоретических концепциях М.М. Бахтина диалог занимает одну из самых важных позиций. Анализируя полифонический характер романа Ф.М. Достоевского, он пишет: «Диалог здесь не преддверие к действию, а само действие. Он и не средство раскрытия, обнаружения как бы уже готового характера человека; нет, здесь человек не только проявляет себя вовне, а впервые становится тем, что он есть, повторяем, – не только для других, но и для себя самого» [4. С. 294]. В бахтинской концепции диалога, «один голос ничего не решает и ничего не разрешает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» [Там же].

В.И. Тюпа в своей статье «Диалог согласия» заостряет наше внимание на заметках Бахтина 1961 года, в которых *согласие* называется им важнейшей диалогической категорией. Несогласие, поясняет Тюпа, как «отвержение чужой мысли, тяготеет к монологизму, граничит с ним, поскольку отказывает чуждой мысли в “праве на слово”» [5]. Автор указывает, что бахтинский диалог согласия представляет собой определенную коммуникативную стратегию. Надо сказать, что именно указанная стратегия используется Бахтиным в разговоре с Дувакиным, который в полной мере можно назвать диалогом согласия..

Бахтин видит в диалогическом согласии «бесконечные градации и оттенки» [6]: «наслаивание смысла на смысл, голоса на голос, усиление путем слияния (но не отождествления), сочетание многих голосов (коридор голосов), дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т. п.» [7]. Попытаемся проследить, какие именно оттенки диалога согласия Бахтина актуализируются в разговоре с Дувакиным и каковы их лингвистические признаки.

Существенная стилистическая особенность поведения Бахтина как «второго» участника диалога – это частичный или полный повтор реплики «первого» участника диалога, его интервьюера Дувакина. Названную черту речевого поведения невозможно не заметить, вот как о ней говорит В. Махлин: «Бахтин, отвечая на вопрос, *обычно повторяет* за собеседником как бы механически его ударное слово; такое *поддакивание*, видимо, нужно ему как точка опоры; *повторив чужие слова*

(курсив наш. – М.Л.), он, как правило, сразу делает оговорку или даже высказывает прямо противоположное утверждение» [8]. Обратим здесь внимание на то, что «механистичность» (непроизвольность) повтора кажущаяся, ведь Бахтин, повторив чужие слова, «сразу делает оговорку». Наиболее явно вычлениются стратегии «усиления смысла путем слияния» и «дополняющего понимания». Рассмотрим их подробнее.

Усиление смысла путем слияния достигается прежде всего простым повторением какого-либо элемента вопроса (так называемые эхо-повторы), когда ответ начинается именно с данного слова, например:

Д. ...Значит, **точная** Ваша дата рождения?

Б. **Точная**... 1885 год...по старому стилю 4 ноября, 17-го по новому стилю.

Если повторяющийся элемент расположен в непосредственной близости от фразы собеседника, то повтор является *рессорной репликой*, то есть средством связи реплики одного коммуниканта с высказыванием другого:

Д. *Вот, охарактеризуйте историко-филологический факультет Петербургского университета в 1916 году. Да? 15-й, 16-й и 17-й.*

Б. ...и 17-й, да. Ну, что же могу сказать? Я бы сказал, что тогда все-таки был, по-моему, расцвет как раз факультета.

Повтор вопроса или его части может одновременно выполнять пучок функций: уточняющую («правильно ли я вас услышал?»), экономии речевых усилий при ответе с сохранением плавности ответной реплики, кроме того, отвечающий берет время на размышление, не прерывая контакта. Все указанные функции реализуются, к примеру, в следующих фрагментах:

Д. **А семью** не тронули?

Б. **Семью?** Нет, не тронули.

Или:

Д. **А лингвистические кафедры** там были?

Б. **Лингвистическая кафедра?** Конечно!

Бахтин может в ответе полностью повторить исходный вопрос интервьюера:

Д. Но уж... **отец** Ваш имел уже профессию?

Б. **Отец** имел уже профессию.

Другой вариант диалога согласия – дополняющее понимание – имеет место, если Бахтин повторяет слово Дувакина, но с существенными для себя уточнениями, дополнениями, например:

Д. То есть это была **большая** сумма.

Б. Да, это **большая, огромная** сумма.

Или:

Д. Они [Мережковский, Гиппиус и др.] **считали себя революционерами?**

Б. *Да, считали себя революционерами, только революционерами, не признающими насилия.*

Дополняющее понимание возникает, если интервьюируемый использует однокоренное слово в своем ответе, которое как бы развивает определенный компонент смысла:

Д. *Кошмар* какой!

Б. *Была ужасная, кошмарная история.*

В отдельных случаях встречается изменение синтаксической конструкции (при сохранении лексического состава вопроса), например:

Д. *Так, значит... Театр. Музыка. Ну, а поэты?*

Б. *Поэтов? Поэтов... я знал.*

Здесь форма уточняющего вопроса предвосхищает структуру ответа Бахтина, то есть он уже строит свой ответ, но все равно предпочитает повторить использованное собеседником слово.

К особой разновидности дополняющего понимания относится имплицитный повтор. Это такие случаи, когда вопрос и ответ становятся единым синтаксически завершенным элементом. Вопрос можно отнести к подлежащему (теме), а ответ – к сказуемому (реме):

Д. *А кафедра русской и европейской литературы?*

Б. *Меня очень мало интересовала.*

В следующем фрагменте видим подхватывание, завершение реплики Дувакина:

Д. *Собственно, «литературоведение» – теперешний термин – тогда вообще не бытовал. Были филологи по разделам: классики, индоевропейцы...*

Б. *...романо-германисты... и слависты были.*

Важно обратить внимание на то, что, даже поправляя или уточняя Дувакина, Бахтин в целом соглашается, маркируя согласие словом «да»:

Д. *И учились в Вильнюсской гимназии?*

Б. *В Виленской гимназии учился, да.*

Или:

Б. *Под искусственным раем он [Бодлер] понимал...*

Д. *Оьянение.*

Б. *Состояние наркоза, да.*

Здесь поправки являются существенными для Бахтина: прилагательное *виленский* образовано от названия литовского города *Вильна*, который так назывался до 1918 года, а не от более позднего его названия *Вильнюс*. Хотя в значениях слов *оьянение* и *наркоз* имеются общие денотативные компоненты «*измененное состояние сознания*», причины этого изменения разные (спиртной напиток или обезболивающее лекарство).

Несогласие Бахтина всегда деликатное и предельно оправданное, но, самое главное, он, не соглашаясь, как правило, сопровождает его маркерами согласия, практически никогда не отмечая дувакинское слово:

Б. *Преподаватель математики, Янкович, мне тоже очень понравился, и всем очень понравился. Он был сухой, несколько сухой, но чрезвычайно такой... ну...*

Д. **Точный.**

Б. **Логичный, точный. Главное – логичный.**

Несогласие с номинацией коммуниканта Бахтин сопровождает маркерами неуверенности, формируя таким образом предельно некатегоричное высказывание. Например, в следующем примере такими «подушками безопасности» оказываются слова *да, то есть, может, не знаю*:

Д. *Я и заговорил об этом, потому что рассказ Виктора Борисовича [Шкловского] об университете у меня вызвал какое-то недоверие. Какое-то уж очень такое... **пристрастное**... у него...*

Б. **Да. То есть... может, не столько пристрастное... не знаю**, как это сказать...

При этом не соглашается Бахтин очень редко. Например, есть случай отклонения явно необоснованного комплимента:

Б. *А другая книга, она у меня есть, она принадлежит, по-моему, Лурье. Да. Вот видите, какая память стала! Ну невозможно!*

Д. *У Вас великолепная память!*

Б. *«Великолепная»! Ну что Вы! У меня была, была в юности, у меня была феноменальная память. Я мог с одного чтения запомнить не только стихотворный текст, но и прозаический.*

Более того, Бахтин готов в ходе разговора изменить свою точку зрения, изначально довольно категоричную, если видит, что собеседник более убедителен. В.В. Здольников справедливо отмечает: «...сам адепт диалогизма предстает в рецензируемой книге не только в образе носителя устоявшихся мнений и непререкаемых оценок, потому что он, видите ли, живой свидетель и участник событий». И далее: «Есть у Михаила Михайловича понимание того, что истина все-таки одна, оно то и дело прорывается в согласии с собеседником, т. е. в отказе от своего прежнего «Я» ради новой истины, каковой становится согласие с «другим Я» [10].

Так, в разговоре о В.В. Маяковском Бахтин от явно негативных характеристик («а тогда Маяковский был одним из тех крикунов, к которым мы относились довольно пренебрежительно») постепенно переходит к позитивным описаниям и его важной роли в литературе («тот стих, который он создал, – все это, конечно, его создание»). Нужно отдать должное специалисту по творчеству Маяковского Дувакину, сдержанно и деликатно ведущему этот разговор: он как бы не реагирует на негативные оценки Бахтина, а акцентирует его внимание на тех характеристиках личности Маяковского, которые не могут не заинтересовать Михаила Михайловича. Например, отталкиваясь от слов Бахтина о том, что Маяковский «все-таки был фигурой карнавальнoй», не раз возвращается к этому мотиву. Однако кульминацией разговора о Маяковском оказывается

момент, когда Дувакин подхватывает Бахтина, читающего стихотворение «Я знаю силу слов, я знаю слов набат...». Чтение хором становится своеобразным пиком в диалоге согласия Бахтина и Дувакина.

Отмеченная манера беседы оказывает влияние и на «первого» собеседника, на В.Д. Дувакина. Приблизительно со второй половины каждого разговора у него также появляется тенденция к полному или частичному лексико-синтаксическому повтору высказываний Бахтина (в репликах-рессорах и в уточняющих вопросах-повторах) и тенденция завершать фразы за него.

Можно сказать, что стратегия диалогического согласия, описанная Бахтиным, реализуется в полной мере в его коммуникативном поведении. Таким образом, теоретические построения являются не голословными, гипотетическими, а используются в реальной живой коммуникации, что характеризует Михаила Михайловича как внимательного слушателя, способного изменить свою точку зрения, равно как и повлиять на убеждения и коммуникативное поведение собеседника.

Литература

1. *Кожин В.В.* Великий творец русской культуры XX века // *Кожин В.В.* Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1997.
2. *Исупов К.Г.* Уроки М.М. Бахтина // *Бахтин М.М.*: Proetcontra. СПб., 2001.
3. *Сивцова Н.В., Арискина О.Л.* Языковые средства выражения знания в лекционной речи М.М. Бахтина // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 91.
4. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
5. *Тюпа В.И.* Диалог согласия // Новый филологический вестник. 2005. № 1.
6. *Бахтин М.М.* Достоевский. 1961 год. Заметки // *Бахтин М.М.* Собр. соч. в 7 т. Т. 5. М., 1997.
7. *Бахтин М.М.* 1961 год. Заметки // *Бахтин М.М.* Собр. соч. В 7 т. Т. 5. М., 1997.
8. *Махлин В.* Тоже разговор // Вопросы литературы. 2004. № 3.
9. Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
10. *Здольников В.В.* Диалог: возможности и пределы // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 1.

*Новосибирский государственный
педагогический университет*

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ. Проект 14-54-00005 «Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности».